

Научная статья

УДК 482

doi: 10.18522/2072-0181-2026-125-123-132

ИСТОРИКО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ПРОРОК» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Владимир Ильич Карасик

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Москва, Россия,
vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Аннотация. Рассматривается историко-мифологический лингвокультурный типаж «пророк» в русском языковом сознании, понимаемый как типизируемая модельная личность. Используется методика концептологического описания этого типажа, выделяются его понятийные, образные и ценностные характеристики в обиходном, публицистическом и поэтическом текстах. В понятийном аспекте пророк охарактеризован как человек, посланный Богом к людям для передачи людям воли Создателя, знающий о том, что произойдет в будущем и говорящий об этом. Образно-перцептивные признаки этого типажа сводятся к описанию его внешности – седого старого человека, гневно обличающего своих современников за их грехи и предсказывающего неминуемые бедствия. В ценностном аспекте акцентируется контрастное отношение к пророку – одни люди признают его миссию и поклоняются ему, другие с презрением и насмешками воспринимают его предсказания. Подчеркивается профетическая функция поэзии. В афористике акцентируются страдания, которые должны перенести пророки, неверие пророков в свои предсказания и опасность лжепророчеств. В поэтическом тексте на первый план выходят идеи божественного дара, который получает пророк, страданий, через которые он должен пройти, его осознанного выбора своей трагической судьбы.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, концепт, понятие, образ, ценность

Для цитирования: Карасик В.И. Историко-мифологический лингвокультурный типаж «пророк» в русском языковом сознании // Научная мысль Кавказа. 2026. № 1. С. 123–132.

doi: 10.18522/2072-0181-2026-125-123-132

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

HISTORICAL-MYTHOLOGICAL LINGUO-CULTURAL PERSONALITY TYPE OF THE «PROPHET» IN THE RUSSIAN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

Vladimir I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia,
vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Abstract. This text examines the historical-mythological linguo-cultural personality type of the «prophet» within Russian linguistic consciousness, understood as a typified model personality. A conceptual description method is employed to outline its conceptual, imagistic, and value characteristics in everyday,

journalistic, and poetic texts. In the conceptual aspect, the prophet is characterized as a person sent by God to convey the Creator's will to humanity, one who knows what will happen in the future and speaks of it. The imagistic and perceptual traits of this archetype are summarized by descriptions of his appearance – a gray-haired old man who angrily rebukes his contemporaries for their sins and foretells inevitable disasters. In terms of values, there is a highlighted contrast in attitudes toward the prophet – some people acknowledge his mission and worship him, while others perceive his predictions with disdain and mockery. The prophetic function of poetry is emphasized. In aphorisms, the suffering that prophets must endure, their disbelief in their own predictions, and the dangers of false prophecies are highlighted. In poetic texts, the ideas of the divine gift bestowed upon the prophet, the sufferings he must endure, and his conscious choice of his tragic fate come to the forefront.

Key words: linguo-cultural archetype, concept, notion, image, value

For citation: Karasik V.I. Historical-Mythological Linguo-Cultural Personality Type of the «Prophet» in the Russian Linguistic Consciousness. *Naučnaâ mysl' Kavkaza*. 2026. No. 1. P. 123–132. (In Russ.)

doi" 10.18522/2072-0181-2026-125-123-132

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Original article

В ряду направлений современной антропологической лингвистики особое место занимает теория языковой личности, или лингвоперсонология в работах Е.В. Иванцовой, Ю.Н. Караулова, В.П. Нерознака [1–3]. Предметом изучения в этой области знания является коммуникативное поведение человека, обусловленное нормами культуры, ситуативными обстоятельствами общения и индивидуальными характеристиками его личности. Лингвоперсонология пересекается с психолингвистикой при изучении индивидуального лексикона человека; с социолингвистикой – при описании коммуникативного поведения представителей разных групп общества; с лингвокультурологией – при выявлении ценностей, норм и обыкновений языкового осмысления реальности в сознании носителей культуры.

Лингвокультурное моделирование языковой личности получило развитие в рамках теории лингвокультурных типажей – узнаваемых типизируемых личностей, поведение которых в концентрированном виде отражает нормы общества в определенном месте и в определенную эпоху (А.В. Асадуллаева; Л.Н. Бровикова; А.В. Валяйбоб; В.В. Деревянская; О.В. Дмитриева; В.И. Карасик, Е.А. Ярмахова; Ю.О. Квартовкина; А.Ю. Коровина; С.В. Попова; А.А. Рощина) [4–13]. В лингвистической литературе детально описаны различные типажы – исторические, географические, профессиональные, мифологические и сказочные. Предложена модель описания типажя, включающая внешность

соответствующего человека, основные характеристики его деятельности, особенности его речи, а также оценки, которые эта типизируемая личность получает от разных групп общества, обычно от власти, от большинства населения и от других аналогичных типажей.

Лингвокультурный типаж как понятие филологии занимает определенное место в ряду близких понятий – образ, персонаж, роль, амплуа, имидж, стереотип. Можно говорить об образных характеристиках типажя при описании типичной внешности определенных личностей (рыцарь, интеллигент, школьная отличница); о его персонажных признаках при характеристике поступков героя того или иного художественного повествования (революционер, пират, лишний человек); о его ролевом воплощении – при объяснении его поведения в конкретных обстоятельствах общения (шут, правдолюб, зануда); об узнаваемых главных признаках его самопрезентации в амплуа или имидже (кинозвезда, бюрократ, злая ведьма); о стереотипном восприятии того или иного типа людей (мудрец, инквизитор, карманник). Эти понятия пересекаются, при этом лингвокультурный типаж может быть преимущественно этноспецифическим либо социоспецифическим (американский ковбой либо футбольный фанат). Типажы представляют собой узнаваемые образы реальных людей и вымышленных личностей, включая сказочных или мифологических героев (современный москвич либо фольклорный богатырь). В любом варианте поведение типажя получает языковое выражение.

Описание лингвокультурного типажа в определенной мере совпадает с описанием лингвокультурного концепта – кванта переживаемого знания, в составе которого можно выделить понятийное, образное и ценностное содержание (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Н.А. Красавский, Г.Г. Слышкин) [14–17], т.е. сначала дается определение этой модельной личности по толковым словарям, затем приводятся примеры описания воспринимаемого образа в виде высказываний, уточняющих его дефиниционные признаки, а также данные ассоциативных словарей и/или опроса информантов, и затем оценочные суждения о том или ином типе. Отметим, что для типажного моделирования лингвокультуры особенно значима ценностная характеристика реальности (В.В. Воробьев, В.В. Дементьев, О.А. Леонтович, Т.В. Маркелова, Т.Б. Радбиль, З.К. Темиргазина, В.М. Шаклеин) [18–24].

Заслуживает внимания историко-мифологический лингвокультурный типаж «пророк». Эта модельная личность неоднократно привлекала внимание культурологов и литературоведов (О.В. Зырянов, И.А. Киселева, С.Б. Королева, В.А. Маринчак, М.Н. Мешков, Е.С. Себежко, Э. Эгеберг, А. Ямадзи) [25–32], но, по нашим данным, еще не была предметом лингвокультурного описания.

Обратившись к «Словарю современного русского литературного языка» (ССРЛЯ) [33], выявляем следующее:

Пророк – 1. По воззрениям различных религий – провозвестник и истолкователь воли бога, богов. // Перен. О человеке, имеющем непререкаемый авторитет в чем-либо. 2. Предсказатель будущего (ССРЛЯ). *Предсказывать* – говорить заранее о том, что произойдет в будущем (ССРЛЯ).

Приведенные дефиниции показывают, что понятийное содержание концепта «пророк» включает следующие признаки: 1) человек; 2) посланный Богом; 3) для передачи людям воли Бога; 4) знающий о том, что произойдет в будущем; 5) говорящий об этом людям. В различных культурах эти люди конкретизировались как основатели вероучения (Мохаммед в исламе), носители божественного послания в христианстве и иудаизме. К ним примыкают оракулы в античной Греции, троянская принцесса Кассандра, прорицательница Сивилла, предсказатели судьбы по «Книге Перемен (И Цзин)» в Китае, а также маги и гадалки. Можно видеть, что в словарных определениях выделены функциональные признаки этого типажа.

Образные и оценочные характеристики этого концепта дают возможность описать рассматриваемый типаж более подробно. Эти признаки устанавливаются на основе описаний в различных текстах. В публицистике и обиходном употреблении, по данным «Национального корпуса русского языка» [34], выделяются следующие характеристики пророков.

Внешность типичного пророка такова:

Седой как лунь дед, похожий на библейского пророка, ведет за руку сильно хромящую девочку (А. Русских).

Лучи вокруг головы пророка указывают на мистический, ирреальный, символистский характер сцены (М. Силина).

Мы испорчены Ближним Востоком: пророк представляется нам кудлатым, пыльноногим, в рваной хламиде и без юмора; богатым и знатным от него одно хамство и угрозы (Т. Толстая).

Библейские пророки представляются седыми стариками с растрепанной копной волос, в изорванной одежде и с лучами вокруг головы, свидетельствующими об их божественном статусе. Отсюда вытекает прямая ассоциация пророков и юродивых.

Основные поступки пророков сводятся к обличению своих современников в грехах и предсказаниях будущих бедствий:

Порой даже внешне он напоминал негодующих библейских пророков (И. Волгин).

В библейские времена человек официально признавался пророком, если трижды подряд ухитрялся верно предсказать что-нибудь очень плохое (О. Андреева).

Подчеркивается темперамент пророков и тех, кто с ними сравнивается:

Марр, харизматический лидер, по складу характера более пророк, чем академический ученый, оказался идеальной личностью для роли создателя «авангардистской науки» (В. Алпатов).

Книжные черви» и «кабинетные крысы», фанатики эксперимента и неистовые пророки свежееоткрытых истин, язвительные умники и вечные мальчики-вундеркинды с атомной бомбой на кончике пера, кажется, уходят на задний план, уступая авансцену куда менее импозантным фигурам (А. Филиппов).

Да он и сейчас кажется странным: пафос древнего пророка, общечеловека – в сочетании с самодовольством мещанина (Ю. Угольников).

В корпусе описаний пророков преобладают их оценочные характеристики. Люди приветствуют тех, кто возвещает волю Создателя:

Кстати, скажи: верно ли, что ты явился в Ершалаим через Сузские ворота верхом на осле, сопровождаемый толпою черни, кричавшей тебе приветствия как бы некоему пророку? – тут прокуратор указал на свиток пергамента (М. Булгаков).

На него взирали с обожанием, как на пророка (В. Катаев).

Пророка ждет золотая колесница как символ признания:

Один из самых красочных примеров – рассказ Исаака Сирина об одном подвижнике, в глубине души пораженном тщеславием, которому «ангелы» – бесы показали на вершине горы колесницу и сказали, что Господь хочет забрать его на Небо живым, как пророка Илию (Д. Антонов).

Если же человек по какой-то причине слышит эти голоса все время, его или объявляют шизофреником и изолируют от нормальных людей, или назначают пророком и сажают в золотую колесницу (В. Пелевин).

Отметим символический контраст золотой колесницы и осла, на котором Иисус въехал в Иерусалим.

Заслуживает внимания идея о том, что поэты и писатели являются пророками:

В первобытные времена человечества поэты были пророками и жрецами, религиозная идея владела поэзией, искусство служило богам (В. Соловьев).

Главреду льстило напоминать российскому обществу о недавнем и якобы напрасно забытом особом статусе писателя – пророка, властителя дум, демиурга (А. Бузулукский).

В качестве носителей знания пророки сближаются с учеными:

Древние библейские пророки являлись предтечами последующей фундаментальной науки (А. Городницкий).

Вместе с тем между творцами текстов и пророками есть существенное различие:

Поэт лишь прикасается к тайне, тогда как пророк говорит из глубины тайны, он сам является тайной, обретшей человеческий голос, тайной, обладающей высшей властью (Е. Чижов).

Отмечено, что пророки являются хранителями человечества:

Идолы только и ждут момента, когда у человечества уже не будет пророков, – тогда они придут и возьмут все себе (Л. Данилкин).

Знание будущего доставляет пророкам страдания:

И так будет продолжаться неделя за неделей, год за годом. Говорят, пророкам мучительно знать свое будущее (Н. Мелёхина).

Содержание пророчеств сводится к определению жизненно важных перспектив развития мира:

Пророки девятнадцатого века предсказывали, что в будущем русские станут во главе духовного развития не только европейских народов, но и народов всего мира (В. Гроссман).

Будучи людьми, пророки тоже могут заблуждаться:

Помните историю, как пророк ехал на не угодное Богу дело, и не видел, как посреди дороги стоит ангел с мечом и не пускает его; а ослица видела, обернулась к Валааму и сказала: если хочешь идти дальше, иди один, я не хочу умереть от меча ангельского... (А. Блум).

Соответствуют словарным дефинициям характеристики знаковых фигур эпохи как пророков:

О канадском теоретике коммуникаций и пророке «электронной эпохи» Маршалле Маклюэне мало кто не слышал (В. Николаев).

Театральный художник мгновенно стал пророком новой эстетики, законодателем моды (Е. Беспалова).

Требуется толкования символическое сравнение в публицистическом тексте:

Золотой век империалистов позади; впереди – Медный век пророков и Железный век варваров, но человек способен выживать сам и формировать чужое будущее во все времена (С. Смирнов).

Золотым веком автор, по-видимому, называет период процветания, медным – эру обличений и критики, железным – нашествие чужеземцев, которые уничтожат изнеженных слабых наследников Западной цивилизации.

Таким образом, приведенные текстовые примеры уточняют образное восприятие пророков как негодующих старцев, которым открыто будущее. Их оценочные характеристики свидетельствуют о восхищении народа своими пророками, но вместе с тем показывают, что пророки тоже могли заблуждаться и испытывали страдания от своего дара знать будущее. Вероятно, именно эти знания имел в виду автор Экклезиаста, с горечью констатирующий, что умножающий познания умножает скорбь (Еккл., 1:18). Практические знания и знания о мире, как известно, делают человека более сильным.

Пророчество не является ежедневной человеческой практикой и поэтому не находит от-

ражения в текстах пословиц, предназначенных для обиходных назиданий. В афоризмах можно найти следующие мысли о пророках и предсказаниях будущего.

Способность видеть будущее – это особый дар, но есть более важные дары:

Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто (Апостол Павел).

За способность знать будущее приходится расплачиваться:

Никогда не пророчествуйте: если вы ошибетесь, никто этого не забудет, а если угадаете, никто об этом не вспомнит (Г.У. Шоу). *У предсказателей будущего нет места в будущем* (Д. Квиллар).

Есть пророчества и лжепророчества:

Берегитесь лжепророков, которые придут к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные (Матфей). *Истинные пророки иногда имеют фанатичных приверженцев; лжепророки всегда* (М.-Э. Эшенбах).

Люди не верят своим предсказателям:

Нет пророка в своем отечестве (Лука).

Предсказания не сбываются:

Чтобы прослыть ясновидцем, предсказывай будущее на сто лет вперед. Чтобы прослыть глупцом, предсказывай его на завтра (Дон-Аминадо). *Ни одна из ошибок не обходится нам так дешево, как пророчество* (О. Уайльд).

Предсказатели сами не верят своим пророчествам:

Удивительно, как это жрецы-предсказатели, взглянув друг на друга, могут еще удерживаться от смеха (Цицерон). *Политик должен уметь предсказать, что произойдет завтра, через неделю, через месяц и через год. А потом объяснить, почему этого не произошло* (У. Черчилль). *Когда предсказания сбываются, больше всех оказываются ошеломлены пророки* (А. Давидович).

Предсказатели не могут контролировать свои пророчества:

В пророчествах истолкователь часто более важная персона, чем сам пророк (Г. Лихтенберг).

Отношение к пророкам – принципиальный водораздел между мистическим Востоком и прагматичным Западом:

Восток — истинный хитрец: он почитает маньяков как пророков; мы же смотрим на пророков как на маньяков (Г. Гейне).

В афоризмах сказано, что дар пророка – это особый дар, за него приходится расплачиваться, пророкам не верят, многие предсказатели делают вид, что верят в свои пророчества, и особенно опасны лжепророки.

В этой связи замечу, что известная фраза из «Экклесиаста» «...во многотрудности много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл., 1:18) нуждается в уточнении. Практические знания делают человека более подготовленным к жизни, расширение теоретических знаний о мире свидетельствует об интересе к миру и вовсе не доставляет скорби. Но есть особые знания, которые на самом деле лишают человека радости, это знания о его будущем, о предстоящих страданиях и смерти. Фраза из Экклесиаста перекликается с латинской сентенцией *Memento mori* – «Помни о смерти». Эта идея соотносится с пониманием небытия как хаоса, в котором упраздняются все наши достижения. В определенной мере поэтому пророчество является не только даром, но и тяжким бременем для пророков.

Осмысление характеристик пророка – одна из ключевых тем русской поэзии. Приведу несколько стихотворений, посвященных пророкам.

В хрестоматийном стихотворении А.С. Пушкина говорится о пророке как посланце Бога. Вспомним, что слово «ангел» является заимствованием из греческого *aggelos* (от глагола *aggellō* – «сообщаю, объявляю») и означает «вестник, посол»:

Пророк

Духовной жаждою томим, / В пустыне мрачной я влачился, – / И шестикрылый серафим / На перепутьи мне явился.

Перстами легкими как сон / Моих зениц коснулся он. / Отверзлись вещие зеницы, / Как у испуганной орлицы.

Моих ушей коснулся он, – / И их наполнил шум и звон: / И внял я неба содроганье, / И горный ангелов полет, / И гад морских подводный ход. / И дольней лозы прозябанье.

И он к устам моим приник, / И вырвал грешный мой язык, / И празднословный, и лукавый, / И жало мудрыя змеи / В уста замершие мои / Вложил десницею кровавой.

И он мне грудь рассек мечом, / И сердце трепетное вынул / И угля, пылающий огнем, / Во грудь отверстую вдовнул.

Как труп в пустыне я лежал, / И бога глас ко мне воззвал: / «Встань, пророк, и виждь, и

*внемли, / Исполнишь волею моей, / И, обходя моря
и земли, / Глаголом жги сердца людей».*

В этом тексте концентрированно выражены следующие идеи: дар пророчества приходит только к тем, кто испытывает духовную жажду, и тогда к ним прилетает посланец Создателя. Обретение этого дара сопряжено с переходом в иную ипостась творения. Пророк – это уже не человек, а тот, кто может видеть и слышать недоступное людям. Главная характеристика пророка – его миссия: «глаголом жечь сердца людей», т.е. передавать людям божественный свет в виде слов.

В ином аспекте осмысливается жизнь пророка в стихотворении М.Ю. Лермонтова.

Пророк

*С тех пор как вечный судия / Мне дал все-
ведение пророка, / В очах людей читаю я / Стра-
ницы злобы и порока.*

*Провозглашать я стал любви / И правды
чистые ученья: / В меня все ближние мои / Бро-
сали бешено каменья.*

*Посыпал пеплом я главу, / Из городов бе-
жал я нищий, / И вот в пустыне я живу, / Как
птицы, даром божьей пищи;*

*Завет предвечного храня, / Мне тварь по-
корна там земная; / И звезды слушают меня, /
Лучами радостно играя.*

*Когда же через шумный град / Я пробира-
юсь торопливо, / То старцы детям говорят / С
улыбкою самолюбивой:*

*«Смотрите: вот пример для вас! / Он горд
был, не ужился с нами. / Глупец, хотел уверить
нас, / Что бог гласит его устами!*

*Смотрите ж, дети, на него: / Как он уг-
рюм и худ и бледен! / Смотрите, как он наг и
беден, / Как презирают все его!»*

Этот текст построен на контрасте миссии пророка и отношения к нему со стороны обычных людей. Можно видеть противопоставление любви и ненависти, пустыни и города, порока и пророка (не случайно поэт сталкивает близкие по звучанию слова). В значительной мере этот текст оказался пророческим для самого поэта, которого вытолкнул из жизни мир посредственных обитателей «шумного града».

Н.А. Некрасов в своем стихотворении подчеркивает идею сознательного самопожертвования в поступках пророка:

Пророк

*Не говори: «Забыл он осторожность! / Он
будет сам судьбы своей виной!..» / Не хуже нас
он видит невозможность / Служить добру, не
жертвуя собой.*

*Но любит он возвышенной и шире, / В его
душе нет помыслов мирских. / «Жить для себя
возможно только в мире, / Но умереть возмож-
но для других!»*

*Так мыслит он – и смерть ему любезна. /
Не скажет он, что жизнь его нужна, / Не ска-
жет он, что гибель бесполезна: / Его судьба дав-
но ему ясна...*

*Его еще покамест не распяли, / Но час при-
дет – он будет на кресте; / Его послал бог Гнева
и Печали / Рабам земли напомнить о Христе.*

Идея трагической участи пророка выражена в этом тексте предельно прямолинейно.

Контраст света и тьмы применительно к описанию пророка показан в стихотворении Н.С. Гумилёва.

Пророки

*И ныне есть еще пророки, / Хотя упали
алтари, / Их очи ясны и глубоки / Грядущим пла-
менем зари.*

*Но им так чужд призыв победный, / Их
давит власть бездонных слов, / Они запуганы и
бледны / В громадах каменных домов.*

*И иногда в печали бурной, / Пророк, не при-
знанный у нас, / Подъемлет к небу взор лазурный
/ Своих лучистых, ясных глаз.*

*Он говорит, что он безумный, / Но что
душа его свята, / Что он, в печали многодумной,
/ Увидел светлый лик Христа.*

*Мечты Господни многооки, / Рука Дающе-
го щедра, / И есть еще, как он, пророки – / Свя-
тые рыцари добра.*

*Он говорит, что мир не страшен, / Что
он Зари Грядущей князь... / Но только духи тем-
ных башен / Те речи слушают, смеясь.*

Пророк в этом понимании – это человек, которого многие считают безумцем. Он беседует с небом. Пророка не слышат люди, он не признан, ему внимают только «духи тёмных башен», и те над ним смеются. Отсюда следует, что судьба пророка трагична.

Этот трагизм прослеживается и в стихотворении И.А. Бродского:

*У пророков не принято быть здоровым. /
Прорицатели в массе увечны. Словом, / я не бо-
лее зряч, чем назонов Калхас. / Потому прори-
цать – все равно, что кактус /*

*или львиный зев подносить к забралу. / Все
равно, что учить алфавит по Брайлю. / Безна-
дежно. Предметов, по крайней мере, / на тебя
похожих наощупь, в мире, /*

*что называется, кот заплакал. / Какова
твоя жертва, таков оракул.*

С горькой иронией поэт констатирует, что прорицания не получают отклика. Ключевое слово – «безнадёжно». Аллюзия к прорицателю Калхасу из «Илиады» в изложении Овидия напоминает нам о том, его предсказания не принесли грекам победы. Более сложной является аллюзия слепоты, здесь сталкиваются образы Гомера, поднесения колючего цветка к забралу шлема, к прорези для глаз, и алфавита Брайля для слепых. Загадочным остается упоминание цветка «львиный зев». Тема слепого провидца является одной из повторяющихся в античной мифологии: слепой пророк обладает особым зрением.

Соотношение предвидения и судьбы раскрывается в стихотворении А.А. Тарковского как жертвоприношение.

Пророческая власть поэта / Бессильна там, где в свой рассказ / По странной прихоти сюжета / Судьба живьем вгоняет нас.

Вначале мы предполагаем / Какой-то взгляд со стороны / На то, что адом или раем / Считать для ясности должны.

Потом, кончая со стихами, / В последних четырех строках / Мы у себя в застенке сами / Себя свежее второпях.

Откуда наша власть? Откуда / Все тот же камень на пути? / Иль новый бог, творящий чудо, / Не может сам себя спасти?

Общим местом является понимание поэта как пророка, но в этом тексте можно увидеть ощущение неизбежности столкновения с «камнем на пути». Свежевать – значит очищать от шкуры, потрошить убитое животное. Такое сравнение пророка с жертвенным животным, которое знает, что оно обречено, исполнено экзистенциального трагизма. Можно заметить, что в поэтических текстах доминирует идея платы за пророческий дар.

Таким образом, анализ историко-мифологического лингвокультурного типажа «пророк» дает возможность установить ключевые понятийные, образные и ценностные характеристики этой узнаваемой типизированной личности. В понятийном аспекте пророк охарактеризован как человек, посланный Богом к людям для передачи людям воли Создателя, знающий о том, что произойдет в будущем и говорящий об этом. Образно-перцептивные признаки этого типажа сводятся к описанию его внешности – седого старого человека, гневно обличающего своих современников за их грехи и предсказывающего неминуемые бедствия. В ценностном аспекте акцентируется контрастное отношение к пророку – одни люди признают его миссию и покло-

няются ему, другие с презрением и насмешками воспринимают его предсказания. Подчеркивается профетическая функция поэзии. В афористике акцентируются страдания, которые должны перенести пророки, неверие пророков в свои предсказания и опасность лжепророчеств. В поэтическом тексте на первый план выходят идеи божественного дара, который получает пророк, страданий, через которые он должен пройти, его осознанного выбора своей трагической судьбы.

Список источников

1. Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 158 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
3. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. Моск. гос. лингв. ун-та/ Редкол.: В. П. Нерознак (отв. ред.) и др. М.: Московский государственный лингвистический университет. 1996. Вып. № 426. С.112–116.
4. Асадуллаева А.В. Исторический криминальный лингвокультурный типаж «английский пират»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 22 с.
5. Бровикова Л.Н. Лингвокультурный типаж «английский викарий»: эмблематические характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 26 с.
6. Валайбоб А.В. Лингвокультурный типаж «американский первопроходец»: символические характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 20 с.
7. Деревянская В.В. Лингвокультурный типаж «британский колониальный служащий»: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 22 с.
8. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века: монография. Волгоград: Перемена, 2007. 306 с.
9. Карасик В.И., Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак». М.: Гнозис, 2006. 240 с.
10. Кwartовкина Ю.О. Лингвокультурный типаж «русский дворянин» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С.128–135.
11. Коровина А.Ю. Лингвокультурный типаж «английский сноб»: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 20 с.
12. Попова С.В. Лингвокультурный типаж «школьная учительница»: субъектное позиционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 24 с.

13. Рощина А.А. Эмблематические характеристики лингвокультурного типажа «китайский врачеватель»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 23 с.
14. Воркачев С.Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta. Волгоград: Парадигма, 2014. 330 с.
15. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
16. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008. 373 с.
17. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метакоцепты. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
18. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.
19. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. М.: ЯСК : Глобал ком, 2013. 336 с.
20. Леонтович О.А. Слово и образ в поисках друг друга. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. 252 с.
21. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: Монография. М.: МГУП им. Ивана Федорова, 2013. 298 с.
22. Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: ЯСК, 2017. 591 с.
23. Темиргазина З.К. Лингвистическая аксиология: оценочные высказывания в русском языке. 2-е изд. М.: Флинта, 2015. 247 с.
24. Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации. М.: Флинта, 2012. 301 с.
25. Зырянов О.В. Традиция библейского профетизма в русской поэзии XIX века // Таинство слова и образа: сб. матер. научно-богословской конференции кафедры филологии МДА (г. Сергиев Посад, 18–19 ноября 2020 г.) Сергиев Посад: МДА, 2021. С. 379–391.
26. Киселева И.А. «Пророк» (1826) А. С. Пушкина и «Пророк» (1841) М. Ю. Лермонтова: сравнительная семантика мотивного комплекса // Проблемы исторической поэтики, 2020. Т. 18. № 1. С. 111–129.
27. Королева С.Б. Пророческая тема в стихотворении А. С. Пушкина «Пророк»: диалог с традицией и эпохой // Вестник Томского государственного университета. Серия Филология. 2019. № 61. С. 206–225.
28. Маринчак В.А. «Пророк» А.С. Пушкина сквозь призму аксиологической герменевтики: интенциональная ситуация и экзистенция поэта // Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2011. С. 147–160.
29. Мешков М.Н. Три «Пророка»: эгоцентрические элементы языка как средство выражения авторского восприятия действительности в стихотворных текстах А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Н.А. Некрасова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 4 (84). С. 277–282.
30. Себежко Е.С. О двух строках пушкинского «Пророка» // Вопросы литературы. 2016. №3. С. 82–97.
31. Эгеберг Э. Пророк у Пушкина и Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. 2001. Вып. 6. С. 163–170.
32. Ямадзи А. Стихотворения «Пророк» А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова // Материалы конференции. Болдинские чтения 2018. (г. Болдино, 12–14 сентября 2017 г.) Нижний Новгород: Изд-во «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2018. С. 140–145.
33. Словарь современного русского литературного языка (ССРЛЯ) / Глав. ред.: чл.-кор. АН СССР В.И. Чернышев (глав. ред.) и др.: в 16 т. М.; Л.: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1950–1965.
34. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: [https:// ruscorpora.ru](https://ruscorpora.ru) (дата обращения: 02.12.2025).

References

1. Ivantsova Ye.V. *Linguopersonology: Fundamentals of the linguistic persona theory. Textbook.* Tomsk, Tomsk Un-ty Publishing house, 2010. 158 p. (In Russ.)
2. Karaulov Yu.N. *The Russian language and the linguistic persona.* 7th ed. Moscow, LKI Publishing house, 2010. 264 p. (In Russ.)
3. Neroznak V.P. Linguistic personology: defining the status of the discipline. *Language. Poetics. Translation.* Collection of works, Moscow State Linguistic University. Ed. Board: V.P. Neroznak (Exec. Editor) et al. Iss. 426. Moscow, Moscow State Linguistic University, 1996. P. 112–116. (In Russ.)
4. Asadullaeva A.V. *Historical criminal linguo-cultural personality type of the “English pirate”. Synopsis of the Ph.D. Dissertation in Philology.* Volgograd, 2011. 22 p. (In Russ.)
5. Brovikova L.N. *Linguo-cultural personality type of the “English vicar”: emblematic characteristics. Synopsis of the Ph.D. Dissertation in Philology.* Volgograd, 2013. 26 p. (In Russ.)
6. Valyaybob A.V. *Linguo-cultural personality type of the “American pioneer”: symbolic characteristics. Synopsis of the Ph.D. Dissertation in Philology.* Volgograd, 2013. 20 p. (In Russ.)
7. Derevyanskaya V.V. *Linguo-cultural personality type of the “British colonial clerk”. Synopsis of the Ph.D. Dissertation in Philology.* Volgograd, 2008. 22 p. (In Russ.)
8. Dmitrieva O.A. *Linguo-cultural personality types of Russia and France of the 19th century. Monograph.* Volgograd, “Peremena”, 2007. 307 p. (In Russ.)

9. Karasik V.I., Yarmakhova Ye.A. *Linguo-cultural personality type of the "English odd fellow"*. Moscow, "Gnosis", 2006. 240 p. (In Russ.)
10. Kwartovkina Yu.O. Linguo-cultural personality type of the "Russian nobleman". Axiological linguistics: *linguo-cultural personality types*. Collection of works. Ed. by V.I. Karasik. Volgograd, Paradigma, 2005. P.128–135. (In Russ.)
11. Korovina A.Yu. *Linguo-cultural personality type of the "English snob"*. Synopsis of the Ph.D. Dissertation in Philology. Volgograd. 2008. 20 p. (In Russ.)
12. Popova S.V. The Linguocultural Type «School Teacher»: Subjective Positioning. *Synopsis of the Ph.D. Dissertation in Philology*. Volgograd, 2011. 24 p. (In Russ.)
13. Roshchina A.A. *Emblematic characteristics of the linguo-cultural personality type of the "Chinese healer"*. Synopsis of the Ph.D. Dissertation in Philology. Volgograd, 2012. 23 p. (In Russ.)
14. Vorkachev S.G. *Embodiment of sense: conceptualia selecta*. Monograph. Volgograd, Paradigma, 2014. 331 p. (In Russ.)
15. Karasik V.I. *A language circle: personality, concepts, discourse*. Moscow, Gnosis, 2004. 390 p. (In Russ.)
16. Krasavskiy N.A. *Emotional concepts in the German and Russian linguo-cultures*. Monograph. Moscow, Gnosis, 2008. 373 p. (In Russ.)
17. Slyshkin G.G. *Linguo-cultural concepts and metaconcepts*. Monograph. Volgograd, "Peremena", 2004. 340 p. (In Russ.)
18. Vorobyov V.V. *Linguoculturology (Theory and methods)*. Monograph. Moscow, Publishing House of Russian Un-ty of People's Friendship, 1997. 331 p. (In Russ.)
19. Dementyev V.V. *Communicative values of the Russian culture: category of personality in lexis and pragmatics*. Moscow, YaSK. Global Com, 2013. 336 p. (In Russ.)
20. Leontovich O.A. *The word and the image in search of each other*. Monograph. Volgograd, PrinTerra-Design, 2022. 252 p. (In Russ.)
21. Markelova T.V. *Pragmatics and semantics of the devices expressing evaluation in Russian*. Monograph. Moscow, MGUP after Ivan Fedorov, 2013. 298 p. (In Russ.)
22. Radbil T.B. *The language and the world: Paradoxes and mutual reflections*. Moscow, YaSK, 2017. 592 p. (In Russ.)
23. Temirgazina Z.K. *Linguistic axiology: evaluative utterances in Russian*. 2nd ed. Moscow, Flinta, 2015. 247 p. (In Russ.)
24. Shaklein V.M. *Linguoculturology: traditions and innovations*. Monograph. Moscow, Flinta, 2012. 301 p. (In Russ.)
25. Zyryanov O.V. The tradition of Biblical prophetism in the Russian poetry of the 19th century. In: *A sacrament of word and image*. Collection of works of the scholarly theologic conference of the department of philology of MDA (*Sergiyev Posad, 18–19 Nov. 2020*). Sergiyev Posad: MDA, 2021. P. 379–391. (In Russ.)
26. Kiseleva I.A. "The Prophet" (1826) by A.S. Pushkin and "The Prophet" (1841) by M.Yu. Lermontov: a comparative semantics of the motive complex. *Problems of historical poetics*. Petrozavodsk, PGU, 2020. Vol. 18. Is. 1. P. 111–129. (In Russ.)
27. Koroleva S.B. The prophetic theme in A.S. Pushkin's poem "The Prophet": a dialogue with the tradition and the epoch. *Herald of Tomsk State Un-ty*. Series: Philology. 2019. Is. 61. P. 206–225. (In Russ.)
28. Marinchak V.A. A.S. Pushkin's "Prophet" through the prism of axiological hermeneutics: the intentional situation and the poet's existence. In: *World literature at the crossroads of cultures and civilizations*. Simferopol. Crimean Federal Un-ty after V.I. Vernadskiy. 2011. P. 147–160. (In Russ.)
29. Meshkov M.N. Three "Prophets": the egocentric elements of language as a means of expressing the author's perception of reality in the poetic texts by A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov and N.A. Nekrasov. *Herald of Tambov Un-ty*. Series: humanities. 2010. Is. 4 (84). P. 277–282. (In Russ.)
30. Sebezhko Ye.S. On two lines of Pushkin's "The Prophet". *Problems of literature*. 2016. Is. 3. P. 82–97. (In Russ.)
31. Egeberg E. Pushkin's and Lermontov's prophet. *Problems of historical poetics*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State Un-ty Publishing House, 2001. Is. 6. P. 163–170. (In Russ.)
32. Yamadzi A. Poems "The Prophet" by A.S. Pushkin and M.Yu. Lermontov. In: *Proceedings of the conference. Boldino readings*. 2018. (*Boldino, 12–14 Sept. 2017*). Nizhniy Novgorod, National Research Nizhniy Novgorod State Un-ty after N.I. Lobachevskiy Publishing House, 2018. P. 140–145. (In Russ.)
33. *Dictionary of the Modern Russian Literary Language (SSRLYa)*. [Chief Ed. Correspond. Member of the Ac. of Sciences of the USSR V.I. Chernyshev (Chief Ed.) et al.: in 16 volumes]; Moscow, Leningrad, Publishing House and Press 1 of the Ac. of Sciences of the USSR in Leningrad. 1950–1965. (In Russ.)
34. *Russian National Corpus (NKRYa)*. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed: December 02. 2022). (In Russ.)

Шифр специальности: 5.9.8 – теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Информация об авторе

Карасик В.И. – доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета. 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6.

Karasik V.I. – D. Sc. in Philology, Professor, Dean of the Philological Faculty. 6, Acad. Volgin Str., Moscow, 117485.

Статья поступила в редакцию 23.12.2025; одобрена после рецензирования 9.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 23.12.2025; approved after reviewing 9.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.18522/2072-0181-2026-125-132-142

ИДЕЯ ЖИЗНИ ПО ФОРМЕ И ЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ В ПЬЕСЕ А.П. ЧЕХОВА «ТРИ СЕСТРЫ»

Наталья Марковна Щаренская

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,

n-scharenskaja@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9775-8101>

Аннотация. Доказывается, что идею жизни по форме в пьесе А.П. Чехова «Три сестры» выражают риторические структуры, которые ее аргументируют, и стилистические средства, с помощью которых автор ее опровергает. Аргументация (силлогистика и парадигма) основывается на метонимической стратегии концептуализации действительности. Фигуры слова, метонимия как троп и ряд метафор (водная, метафора смерти, театральная, зооморфная) разрушают аргументацию, показывая губительный результат подчинения жизни форме.

Ключевые слова: Чехов, «Три сестры», форма, силлогизм, парадигма, метонимия, метафора, фигуры слова

Для цитирования: Щаренская Н.М. Идея жизни по форме и ее выражение в пьесе А.П. Чехова «Три сестры» // Научная мысль Кавказа. 2026. № 1. С. 132–142.

doi: 10.18522/2072-0181-2026-125-132-142

Статья опубликована на условиях лицензии *Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)*.

THE IDEA OF LIFE IN SOCIAL CONFORMITY AND ITS EXPRESSION IN A. CHEKHOV'S PLAY «THREE SISTERS»

Natalia M. Shcharenskaya

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,

n-scharenskaja@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-9775-8101>

Abstract. The article shows that the idea of life according to formal social standards in A. Chekhov's play «Three Sisters» is expressed through rhetorical structures that support it and stylistic devices with which the author refutes it. The argumentation (syllogistic and paradigmatic) is based on a metonymic strategy for conceptualizing reality. Figures of word, metonymy as a trope, and a series of metaphors (water, death, theatrical, and zoomorphic) undermine the argumentation, demonstrating the destructive consequences of conforming to social standards.

Key words: Chekhov, 'Three Sisters', form, syllogism, paradigm, metonymy, metaphor, figures of speech

For citation: Shcharenskaya N.M. The Idea of Life in Social Conformity and its Expression in A. Chekhov's Play «Three Sisters». *Naučnââ mysl' Kavkaza*. 2026. No. 1. P. 132–142. (In Russ.)

doi 10.18522/2072-0181-2026-125-132-142

© Щаренская Н.М., 2026